
А. И. МИХАЙЛОВ

КОНФЛИКТОЛОГИЯ ПОЛИТОГЕНЕЗА

Предмет настоящей работы – военный фактор в истории и его роль в экзогенном катализе эндогенных процессов социальной эволюции. Так, конкретным механизмом первичного политогенеза выступает конфликт между общинами в условиях стесненности – модель Карнейро позволяет объяснить, почему первые государства возникли в одних местах, но не возникли в других, что и позволило зафиксировать отношения реципрокности в антропологических исследованиях. Образование классов идет одновременно с процессом политогенеза – расслаивается не изолированная община, но система общин, соединяемых возникающим государством в общество. Коммунитарная структура обществ, более сложных, чем община, также является одним из предметов рассмотрения данной работы.

Ключевые слова: философия истории, модели исторического процесса, политогенез, реципрокность, раннеклассовые общества, демографический детерминизм.

The subject of this work is the military factor in history and its role in exogenous catalysis of endogenous processes of social evolution. Thus, a specific mechanism of the initial politogenesis is the conflict between communities in terms of resources and space limitation. The Carneiro model helps to explain why the first states emerged in some places, but did not emerge in others, which made it possible to record relationships of reciprocity in anthropological studies. The formation of classes is concurrent with the process of politogenesis. It is not an isolated community that is stratified but the system of the communities united by the emerging state into society. The communitarian structure of societies more complex than the community is also one of the subjects of this paper.

Keywords: philosophy of history, models of historical process, politogenesis, reciprocity, early class society, demographic determinism.

Введение

Модели, объясняющие происхождение института государственности исключительно эндогенными тенденциями развития изолированной социальной системы, наталкиваются на внутренние противоречия, обуславливающие необходимость включения в модель рассмотрения конфликтного взаимодействия обществ [Михайлов 2020a]. Все экзогенные теории политогенеза так или иначе сводятся к рассмотрению военного фактора в истории. В этом нет ничего удивительного, поскольку война является логически простейшим отношением между обществами. Под войной здесь подразумевается такое взаимодействие одного общества с другим, в котором допустимо нарушение условий воспроизводства¹. Поскольку условия воспроизводства служат критериями выделения общества из окружения – вне общества находится все, что не является необходимым для его воспроизводства², – то воспроизводство других обществ не является условием воспроизводства собственного общества, иначе речь шла бы не о разных обществах, а о подсистемах одного общества³. *Коллективы людей гораздо более эгоистичны, чем составляющие их люди*, поскольку другие люди являются необходимыми условиями существования человека, а другие коллективы в качестве условий существования данного коллектива выступают далеко не всегда. Конфликт между коллективами представляет собой один из механизмов отбора форм социальной организации. Политика есть арена борьбы *организаций* за контроль над *деятельностным полем*. Война – это *превращенная* форма политики, то есть такая *вырожденная* форма коммуникации, для которой

¹ В таком обобщенном определении не война является способом ведения политики иными средствами, а дипломатия в большинстве случаев окажется формой ведения войны.

² Поскольку человек воспроизводит материальные условия своего существования, то природу следует рассматривать как «неорганическое тело человека», часть материально-технической базы общества – природное снимается в общественном.

³ Здесь следует обратить внимание на тотальный характер субстанции. В конечном счете самовоспроизводящимся целым является материя вообще. Поэтому уместнее говорить не о замкнутости воспроизводства вообще, а о замкнутости определенных типов процессов воспроизводства. Изменение способа производства делает историческим само понятие общества как социального организма.

сохранение составных частей организации контрагента не является граничным условием. Вырождение означает упрощение, и именно поэтому изучение войн позволяет лучше понять структуру общества.

Война и социальная эволюция

Итак, война как превращенная форма развития человечества составляет самую суть экзогенного механизма социальной эволюции. Перефразируя «Манифест коммунистической партии» [Маркс, Энгельс 1955], можно сказать, что история всех предшествовавших обществ была не только историей борьбы классов, но и историей борьбы обществ между собой⁴. Исследованию войны как фактора эволюции общества посвящены ряд монографий У. Мак-Нила [McNiell 1982], И. М. Дьяконова [1994], С. А. Нефедова [2008] и др. Все три источника разделяют общую концепцию военно-технологических революций. Первоисточником этой концепции следует считать труды Ф. Энгельса, а именно критику «теории насилия» в «Анти-Дюринге» [Энгельс 1961] и работы по теории военного искусства [Маркс, Энгельс 1959]. Энгельс был первым, кто осознал влияние развития производительных сил на военное искусство, а значит, исторический характер его законов. Вызванное развитием технологии изменение средств войны приводит к изменению способа их использования [DeLanda 1991]. Такого рода организационные перестройки, вызванные технологическими сдвигами, суть приложение диалектики производительных сил и производственных отношений к военной подсистеме общества. Военно-технологический детерминизм, развиваемый указанными авторами, предполагает периодизацию исторического процесса в соответствии с преобладающими средствами войны, то есть о производительных силах общества предлагается судить по некоторой подсистеме со-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что результатом классовой борьбы в конечном итоге станет положительное упразднение классов, то есть бесклассовое общество. Аналогично можно предположить, что конечным результатом борьбы обществ станет либо упразднение обществ, то есть прекращение существования человечества, либо уничтожение войн, то есть бесконфликтный способ развития человечества. Таким образом, возникает задача оптимального управления социальной эволюцией [Михайлов 2020б], а снятие самоотчуждения оказывается необходимым условием выживания человечества [Его же 2018].

вокупных производительных сил, а именно по формам деятельности, направленным на разрушение производительных сил другого общества.

Выделяемые стадии исторического процесса образуют таксоны более низкого порядка, чем способ производства, хотя в схеме И. М. Дьяконова вплотную к ним приближаются. В наиболее сложной схеме С. А. Нефедова, насчитывающей 11 стадий на этапе только аграрного общества, выделяемые этапы развития близки к длиннопериодическим циклам внутри одного способа производства. Общая схема цикла такова: инновация, экспансия, стабилизация. Появление новой военной технологии дает конкурентное преимущество впервые освоившему ее обществу, которое начинает расширяться за счет соседей, пока инновация не будет ими заимствована. По сути, это процесс типа «реакция-диффузия», описывающий переход от неустойчивого равновесия к устойчивому в пространственно-распределенных системах химической и биологической природы [Свирижев 1987]. Скорость культурной диффузии выступает важнейшим параметром порядка, определяющим самое существование периодических структур и процессов. Освоение новых экологических ниш, вызванное агрокультурными инновациями, описывается точно такого же типа закономерностями. Поэтому, в концепции Нефедова, на военные революции органически накладываются аграрно-демографические циклы, также исследуемые в работах А. В. Коротаева [Коротаев и др. 2005; Гринин, Коротаев 2012]: «...внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются волны завоеваний, порожденных совершенными в той или иной стране фундаментальными открытиями» [Нефедов 2008: 34–35].

То, что военные революции имеют не формационную, а циклическую природу, подтверждается результатами попытки распространения данной теории на индустриальное общество. В ходе развития промышленности изменение военной технологии совпадает со сменой технологических укладов, в условиях капитализма осуществляющейся в форме долгосрочных циклов [Глазьев и др. 2009]. Если в рамках не более двух способов производства, реализованных на индустриальной материально-технической базе, сменилось

4–5 укладов, то столь же дробная периодизация возможна и для способов производства, основанных на аграрной материально-технической базе. Аграрные и военные инновации, рост населения при освоении обществом новых экологических ниш и уничтожение населения в ходе войн между обществами, демографические циклы и волны завоеваний – это, соответственно, эндогенная и экзогенная форма единого военно-демографического процесса, образующего особый способ производства.

Наиболее ярко единство военно-демографического процесса проявляется в теории происхождения государства, предложенной Р. Карнейро [Carneiro 1970]. Согласно Карнейро, государство возникает как результат войн в условиях стесненности⁵. Иными словами, «повышение демографического давления в земледельческом обществе при необходимом развитии технологии и благоприятных природных условиях приводит к возникновению государственности и социальному расслоению» [Нефедов 2008: 40]. Постоянные войны между первобытными племенами, не имеющими возможности свободно расселяться, приводят к тому, что одни племена подчиняют другие. Так возникают вождества и впервые появляется возможность мобилизовать дополнительный прибавочный продукт на нужды войны. В свою очередь, в результате войн между вождествами остается единственное, которое и становится государством, собирающим этот прибавочный продукт уже на регулярной основе. Как отмечал Н. С. Розов [2002], теорию Карнейро можно рассматривать в качестве примера успешной исследовательской программы в области исторической социологии. Во-первых, теория стесненности лучше, чем альтернативные теории, объясняет наблюдаемые факты – географическую локализацию автохтонных государств, в том числе и не связанных, по крайней мере на раннем этапе, с ирригационным земледелием. Во-вторых, теория стесненности позволила предсказать новые археологические наблюдения, в частности, наличие укреплений на Крите, в период, непосредственно предшествовавший объединению острова в рамках минойской цивилизации. Параметром порядка, определяющим структур-

⁵ Как должно стать ясным из текста настоящей работы, война – это не волевой акт, как в архаичных теориях насилия, а особого рода производственный процесс.

ные изменения, в теории Карнейро выступает плотность населения, точнее, плотность общин, достигающая критических значений в особых географических условиях. Плотность населения, фактор социальной эволюции, известный еще Дюркгейму, это количественная характеристика производительных сил особого рода, однако рост производительных сил приводит к изменению структуры общества не автоматически. Экзогенное по отношению к внутриобщинным процессам воспроизводства военное взаимодействие общин в определенных условиях приводит к объединению общин в стратифицированное общество. Экзогенное и эндогенное меняются местами – экзогенное насилие сменяется эндогенной эксплуатацией.

Экзогенный катализ эндогенных переходов

Роль военного насилия как катализатора политогенеза также подтверждает и более современное исследование американского и английского антрополога Дэвида Гребера «Долг: первые 5000 лет истории» [Graeber 2011]. Хотя эта работа посвящена в первую очередь истории денег и кредита, автор не мог не рассмотреть историю возникновения классового общества. Трансформация основанных на реципрокности «человеческих экономик» в рыночные экономики составляет один из основных сюжетов книги. Д. Гребер называет «человеческой экономикой» систему распределения статусов, регулирующую воспроизводство родоплеменного общества. В родоплеменных обществах предметом отношений между людьми выступают непосредственно сами люди, а не вещи. Поэтому попытка распространения законов капиталистической экономики на родоплеменное общество есть прямое нарушение принципа историзма. Не люди обмениваются товарами, а роды обмениваются людьми между собой. Например, брак требует симметричного брака для компенсации, а убийство – выдачи родича взамен убитого. Смысл функционирования «человеческой экономики» заключается в поддержании демографического баланса, а не стоимостного. Такая форма отчужденных общественных отношений, как меновая стоимость, просто еще не возникла – то, что для Маркса было исходным пунктом исследования, для Гребера является конечным. Сам обмен вещами не служит целям хозяйственного баланса,

но выступает средством накопления социального капитала. Подобно тому как в капиталистической экономике особый вид товара, чья потребительная стоимость заключается только лишь в способности быть меновой стоимостью, – деньги, опосредуя материальное производство, служат идеальным выражением общественно необходимых затрат труда, в «человеческой экономике» материальные предметы оказываются формой идеального, опосредствующего воспроизводство самого рода как материальное производство особого типа.

Однако «человеческие экономики» оказываются неустойчивы по отношению к эскалации межплеменного насилия. Когда насилие делает невозможным обмен людьми, накопление вещей из цели становится средством. Человек перестает быть ценностью, превращаясь в подобие вещи, которой, в свою очередь, предписывается фиктивная ценность. Раньше вещь служила выкупом за убитого родича, его идеальным замещением, а теперь ценную вещь можно обменять на человека и использовать его в качестве говорящего орудия. Причем превращенное содержание нового типа отношений между людьми остается освященным старой формой реципрокности. Заметим, что с методологической точки зрения такой эволюционный процесс представляет собой изменение функции при неизменной структуре, объясняющее возникновение нередуцируемой сложности в моделях биологической эволюции. В этом эволюционном переходе качество сменяется количеством: уникальный индивид – однородной счетностью. Культурный центр из места обмена людьми⁶ становится центром рационального расчета. В храмовых центрах древнего Ближнего Востока впервые возникает натуральный кредит, причем расчеты велись в безналичной форме. Таким образом, социальный капитал трансформировался в капитал товарный – моральные обязательства обменивались на потребительные стоимости без посредства рынка. Централизация учета, осуществляемого жречеством в натуральном эквиваленте, например в мерах зерна, и концентрация кредитных обязательств превращали храмы в хозяйственные комплексы – первые машины из

⁶ В культовом центре запрещена кровная месть, поэтому конфликтующие стороны могут договориться о восстановлении демографического баланса только там.

людей, обладавшие возможностью и необходимостью⁷ содержать армию. Рынок вторичен по отношению к армии⁸ – у солдат нет ничего, что они могли бы предложить для безличного бартера. Эскалация войны между политиями ведет к росту фискальной нагрузки и анонимизации обменов – так возникают денежное обращение⁹ и классовое неравенство.

Прежде чем перейти к выводам данной работы, следует отметить, что отдельного обсуждения заслуживает концепция «нелинейной» эволюции социальных структур, предлагаемая А. В. Коротаевым [2003] в качестве снятия «линейных» концепций. Под «линейными» концепциями Коротаев по сути понимает однофакторные модели социальной эволюции, в которых изменение социальных структур управляется одним-единственным параметром порядка. «Нелинейным» подходом Коротаев называет многофакторный корреляционный анализ: общества ранжируются по всем возможным факторам и строится эмпирическая плотность распределения. Если бы была верна наивная формационная теория в ее детерминированной версии, тогда значение одного фактора определяло бы значение всех остальных и точки, обозначающие общества, группировались бы на диагонали кросс-факторных диаграмм. В действительности этого не происходит, и такого рода кросс-культурные исследования позволяют не столько подтвердить какую-либо гипотезу о закономерностях социальной эволюции, сколько кластеризовать когда-либо существовавшие в истории общества. В отличие от биологии, где подобная кластеризация уже представляет собой правдоподобную гипотезу об эволюционном дереве, в истории результатов кластеризации недостаточно для предсказания эволюционных закономерностей, поскольку механизмы культурной диффузии доминиру-

⁷ Географические условия, благоприятствующие ирригационному хозяйству, всегда благоприятствуют и стесненности.

⁸ Л. Б. Алаев [2003] на материале мусульманских государств Индии также подтверждает роль армии в становлении торговли – крупные базары существуют рядом с лагерем наемного войска.

⁹ Заметим, что здесь историческое прямо противоположно логическому. Эмпирическое исследование Д. Гребера отнюдь не опровергает проделанный К. Марксом в «Капитале» теоретический анализ. Просто обмен товарами является элементарной клеточкой уже ставшего капитализма, Гребер же исследует предпосылки его становления.

ют над наследованием¹⁰. Эволюционные переходы требуют отдельной классификации, причем при наличии N кластеров имеется N^2 возможных переходов, в то время как количество эмпирически наблюдаемых переходов не сильно превышает N при малом размере кластеров и малом количестве переходов за историю одного общества. Это существенно ограничивает предсказательную способность любых гипотез об эволюции, основанных только на кластеризации. Еще одним уязвимым местом «нелинейного» подхода является выбор факторов – необходимо избежать переобучения, то есть факторов не должно быть слишком много, и субъективности при ранжировании, то есть факторы должны быть однозначно и объективно измеримы. В целом можно заключить, что рассматриваемый подход не столько дает новые предсказания относительно механизмов исторического процесса, тем более что эмпирическая база – свершившаяся история – фиксирована, сколько обеспечивает удобное представление эмпирического материала.

Заключение

Итак, подведем итоги вышеизложенного. Повсеместное существование общинной организации в качестве стартового состояния политогенеза и классовообразования представляет собой общее место всех концепций, как эндогенных, так и экзогенных. В этом нет ничего удивительного: родовая или соседская община – это исторические формы микросоциальных структур, лежащих в основе любого общества. Следует вспомнить шестой тезис К. Маркса о Л. Фейербахе: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [Маркс 1955: 3] Само определение сущности человека делает общество как систему из людей системой совершенно особого типа – такой системой, элементы которой не имеют иного содержания, кроме отношения между элементами. Человек – это не биологический организм, а взаимодействие между организмами [Михайлов 1976], точнее, способ использования организма в этом взаимодействии. Существование человека с необходимостью предполагает взаимодействие людей; можно сказать, человек – это сеть персональных контактов, причем каждую связь

¹⁰ Исключение составляет лингвистика.

такой сети необходимо сопоставить с определенным родом деятельности. Мышление формируется как замещение этой деятельности знаками [Громыко 2005] – в результате такой интериоризации общественных отношений возникает личность. Таким образом, каждый человек сопоставлен с пространством естественной социализации – реально существующей общностью людей, с которыми данный человек знаком лично. Если отношения, существующие в данной общности, сводятся к родственным связям или территориальному соседству, то пространство естественной социализации человека совпадает с родовой или соседской общиной соответственно. В современных обществах пространство естественной социализации устроено более сложно, оно децентрализовано, включает в себя различные профессиональные группы и т. д., а главное, оно само выстроено машинами принудительной социализации – обезличенными формальными институтами, образующими «дальний порядок» взаимодействия. Структуру этих взаимодействий и изучает социология. Переход от индивидов к пространствам социализации этих индивидов как элементам социальной системы позволяет объективировать предмет социологии.

Коммунитарная структура присуща любому обществу – в этом смысле «общины» как процессы воспроизводства индивидов существуют всегда, однако имеют ограниченный размер. Нейронная сеть человеческого мозга специализирована под взаимодействие с группой численностью порядка 150 особей. Это подтверждается корреляционной связью относительного размера мозга с размером группы социальных животных [Dunbar 1992], нейропсихологическими экспериментами по распознаванию лиц и др., историческими и антропологическими данными о размере групп охотников и собирателей, а также социологической статистикой сетей общения в современных обществах. Взаимодействие большого количества людей требует искусственной социальной организации. Производство таких организаций и составляет содержание социальной эволюции. Полное отсутствие такой организации означает неупорядоченную войну локальных групп охотников и собирателей, поскольку любая другая группа ничем не отличается от животных, на которых можно охотиться. Однако экзогамия, являющаяся самым глубоким социальным регулятивом полового поведения человека [Семенов 1993], индуцирует первую форму межгруппового взаи-

модействия – родоплеменную организацию. Воспроизводство психической личности размыкается по биологическому воспроизводству. Замыкание сети брачно-родственных отношений в родоплеменной союз определяет границы общества. Конфликт родоплеменных обществ в зонах повышенной плотности катализирует формирование ранних государств. Сравнивая социальную эволюцию с эволюцией биологической, возникновение государств можно сопоставить с переходом от колоний одноклеточных организмов к многоклеточным. Возникновение государства предшествует разделению общества на классы: «Археологические данные подтверждают идею о том, что эгалитарное общество предшествовало неэгалитарному и последнее возникло как результат адаптации в условиях демографического давления на обрабатываемую землю» [Шедел, Робинсон 2000: 168]. Классообразование есть результат, а не предпосылка политогенеза.

Литература

- Алаев Л. Б. Средневековая Индия. СПб. : Алетейя, 2003.
- Глазьев С. Ю., Сабден О. С., Арменский А. Е., Наумов Е. А. Интеллектуальная экономика – технологические вызовы XXI века / под ред. О. С. Сабдена. Алматы : ИД «Экс клюз», 2009.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы: Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. М. : УРСС, 2012.
- Громько Ю. В. Мыследеятельность: курс лекций: в 3 кн. М. : Пушкинский институт, 2005.
- Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М. : Вост. лит-ра, 1994.
- Коротаев А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М. : Вост. лит-ра, 2003.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М. : КомКнига, 2005.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. Т. 3. М. : Политиздат, 1955. С. 1–4.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. Т. 4. М. : Политиздат, 1955. С. 439–459.

- Маркс К., Энгельс Ф. // Собр. соч. Т. 14–15. М. : Политиздат, 1959.
- Михайлов А. И. Вековые тренды социального отчуждения // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2018. № 5. С. 94–107.
- Михайлов А. И. Эндогенные модели политогенеза: границы применимости // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2020а. № 1. С. 92–106.
- Михайлов А. И. Методологические проблемы моделирования исторической каузальности // Вопросы философии. 2020б. № 2. С. 51–59.
- Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого Я. 2-е изд. М. : Политиздат, 1976.
- Нефедов С. А. Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. М. : Территория будущего, 2008.
- Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2002.
- Свирижев Ю. М. Нелинейные волны, диссипативные структуры и катастрофы в экологии. М. : Наука, Главфизматлит, 1987.
- Семенов Ю. И. Брак и семья: возникновение и развитие. М., 1993.
- Шедел Р., Робинсон Д. Становление государства в доколумбовой Америке // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М. : Логос, 2000. С. 155–170.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. Т. 20. М. : Политиздат, 1961. С. 1–338.
- Carneiro R. L. A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169. Pp. 733–738.
- DeLanda M. War in the Age of Intelligent Machines. New York : Zone Books, 1991.
- Dunbar R. I. M. Neocortex size as a Constraint on Group Size in Primates // Journal of Human Evolution. 1992. Vol. 22(6). Pp. 469–493.
- Graeber D. Debt: the First 5,000 Years of History. New York : Melville-house, 2011.
- McNeil W. The Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society since A. D. 1000. Chicago : The University of Chicago Press, 1982.
- Sahlins M. D., Service E. R. Evolution and Culture. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1960.